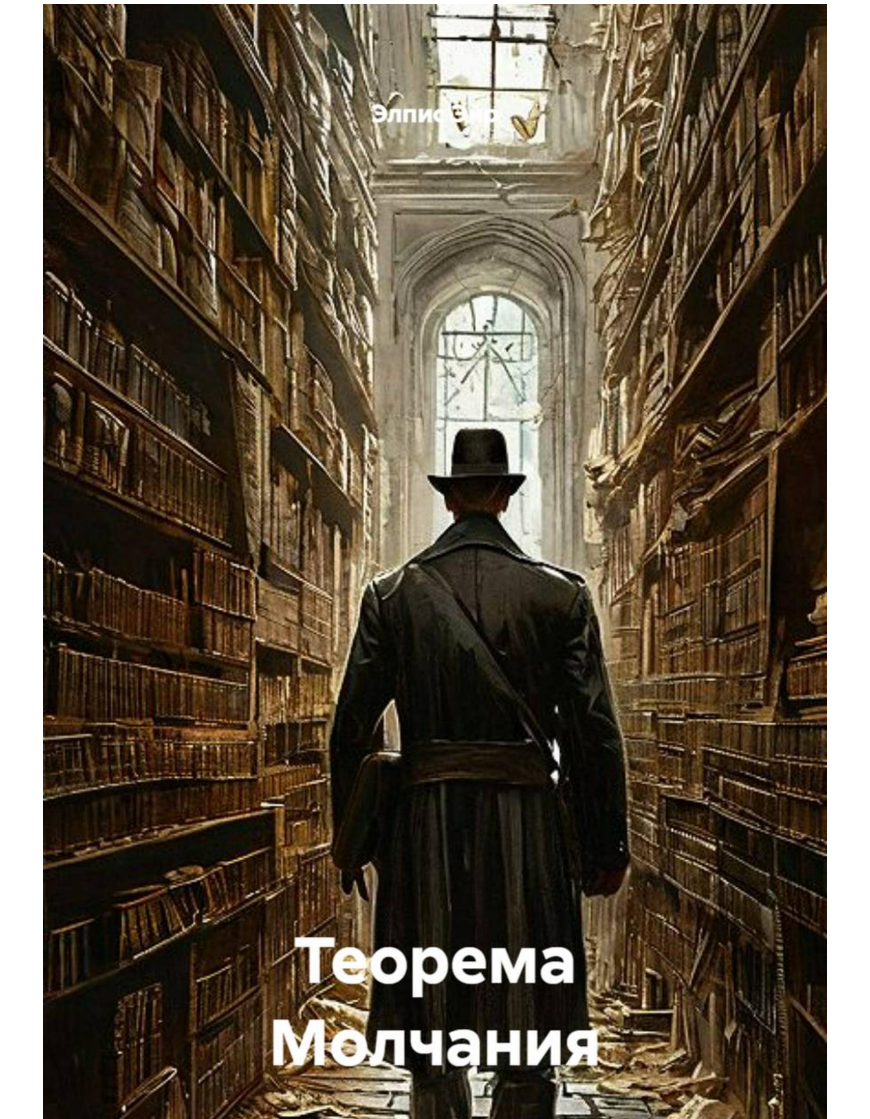

Эллис

Теорема Молчания

Элпис Эйр

Теорема Молчания

<https://litres.ru/74208414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда ведущие историки и архивисты начинают кончать жизнь самоубийством, оставляя после себя лишь зашифрованные послания, бывший следователь, а ныне букинист, обнаруживает, что все они искали один и тот же утраченный манускрипт. Но кто-то не хочет, чтобы правда увидела свет.

Содержание

Глава 1. Начало	4
Глава 2. Белый шум	9
Глава 3. Голоса из пепла	13
Глава 4. Крысы в лабиринте	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Элпис Эйр

Теорема Молчания

Глава 1. Начало

Дождь в этом городе никогда не заканчивался по-настоящему. Он просто менял агрегатное состояние: то обрушивался на асфальт свинцовыми плетями, то зависал в воздухе мелкой, промозглой пылью, оседающей на ресницах и воротниках пальто.

Илья Громов стоял у витрины своей лавки «Антиквариат на Мясницкой» и смотрел, как размытые огни фонарей стекают по мокрому стеклу. Внутри пахло *vanilla*, пылью и временем. Этот запах успокаивал. В отличие от людей, книги никогда не ввали. Если в них и была ложь, то лишь та, которую автор вложил в уста героев.

Над дверью тихо звякнул колокольчик.

Илья не сразу обернулся. Он привык, что в такую погоду забредают лишь случайные путники, ищущие укрытия, или коллекционеры с горячечным блеском в глазах. Но шаги, раздавшиеся за спиной, были тяжелыми, неуверенными и шаркающими. Так ходят люди, несущие на себе невидимый, но неподъемный груз.

— Мы закрыты, — бросил Илья, не поворачиваясь. Он

продолжал протирать стеклянный переплет фолианта XVIII века.

— А ты всегда был нетерпеливым, Илюша, — раздался голос. Голос, от которого у Ильи свело скулы.

Он замер. Медленно опустил тряпку и обернулся.

На пороге, стряхивая воду с дешевого серого плаща, стоял майор КГБ... нет, уже давно не КГБ, а Следственного Комитета. Алексей Звягин. Лицо Звягина осунулось за последние годы, превратившись из мясистого и добродушного в какое-то пергаментное, с глубокими морщинами, словно кто-то скомкал и снова разгладил лист бумаги.

— Леша, — Илья убрал руки за спину, чтобы скрыть легкую дрожь. — Давно не виделись. С тех пор как ты подписывал бумагу о моем увольнении.

— Я не подписывал, Илья. Я рекомендовал, — Звягин тяжело опустился на ближайший табурет, даже не спросив разрешения. Суставы его хрустнули. — И я бы подписал еще сотню таких бумаг, если бы это помогло тебе забыть то дело. Но ты же знаешь, призраки не отпускают.

Илья нахмурился. Звягин никогда не приходил просто поболтать о былом. В его глазах, обычно тусклых и усталых, сейчас плясали лихорадочные искры.

— Что тебе нужно?

— Виктор Петрович умер, — тихо сказал Звягин.

Мир вокруг Ильи на секунду оглох. Шум дождя за окном, гул холодильника с редкими лимонадами, тиканье наполь-

ных часов — все это провалилось в вакуум. Виктор Петрович Саврасов. Его наставник. Человек, который научил его читать не только буквы, но и людей. Человек, который единственной пришел на его позорное увольнение и сказал: «Ты ошибся, Илья. Но ты не сломлен. А сломленные не ищут истину, они ищут оправдания».

— Как? — голос Ильи прозвучал чужим, хриплым.

— Выстрел в висок. В своем кабинете. Пистолет в руке. На столе — предсмертная записка. Классическое самоубийство, Илья. Следов борьбы нет, алкоголя в крови минимум.

— Виктор не пил последние десять лет. И он ненавидел оружие. Он считал, что пуля — это аргумент для тех, у кого закончились слова.

— Я знаю, — Звягин достал из внутреннего кармана пластиковый пакет. Внутри лежал старый, потертый кожаный блокнот. — Но есть одна деталь. Следователь на месте ЧП — зеленый сопляк, он бы и не заметил. Но я помню, как ты любишь странности.

Звягин положил пакет на стеклянный прилавок.

— Это нашли в его сейфе. Сейф, который, по словам его вдовы, он не открывал лет пять. Но на дне, под фальшивым дном, лежало вот это. А в блокноте...

Звягин замолчал, глядя на Ильи тяжелым, почти виноватым взглядом.

— Что в блокноте, Леша?

— Там нет слов, Илья. Там только координаты. И одно

имя. Твое.

Илья почувствовал, как холодок, не имеющий отношения к сквознякам из плохо утепленных окон, пополз по позвоночнику. Он протянул руку и взял пакет. Кожа блокнота была теплой, будто она впитала не только время, но и чью-то лихорадку. Он раскрыл его.

На первой странице, выведенная четким, академическим почерком Саврасова, была запись:

«Они стирают не книги. Они стирают нас. Илья, если ты это читаешь, значит, я не успел. Найди Еву. Найди ее в шуме. Не верь теням».

Ниже — три пары координат и дата. Сегодняшняя.

— Кто такая Ева? — спросил Илья, не отрывая взгляда от страниц.

— Понятия не имею, — Звягин поднялся, его колени снова предательски хрустнули. — Но я аннулировал свою подпись под твоим увольнением. Формально ты сейчас — мой внештатный консультант. Официально я не знаю, где ты. У тебя есть ровно сорок восемь часов, Илья, пока прокуратура не решила, что Саврасов был не последним.

— Последним в чем?

— В списке, — Звягин направился к двери. На пороге он остановился и посмотрел на Илью через плечо. — Береги себя, Громов. И постарайся в этот раз не ошибиться.

Колокольчик звякнул снова. Дверь захлопнулась, отрезая шум улицы.

Илья остался стоять в тишине лавки. Он посмотрел на блокнот, затем на свое отражение в темном стекле витрины. Из зеркала на него смотрел уставший мужчина с седыми висками и шрамом на подбородке.

Он достал из-под прилавка старый револьвер «Наган», который хранил здесь больше как талисман, чем как средство защиты, и скользнул в карман плаща.

— Найти Еву в шуме, — прошептал Илья.

Он выключил свет в лавке, оставив гореть лишь тусклую настольную лампу, и шагнул в темноту коридора. Дождь за окном усилился, словно пытаюсь смыть следы того, что только что началось. Но Илья знал: чернила уже пролиты. И они были не смываемы.

Глава 2. Белый шум

Квартира Ильи находилась прямо над лавкой. Лестница скрипела так же натужно, как и старые половицы, но Илья поднимался по ней бесшумно. Привычка, выработанная годами работы в уголовном розыске, въедалась в подкорку глубже, чем любые другие навыки.

На кухне, залитой холодным светом единственной лампы, он разложил блокнот Саврасова на столе. Рядом лежали: лупа, ультрафиолетовый фонарик, флакон с нашатырным спиртом и старый, еще советский микроскоп.

«Найди Еву. Найди ее в шуме».

Илья надел тонкие хлопковые перчатки и осторожно перевернул страницу с координатами. Координаты указывали на точку в центре города — район старой Останкинской слободы. Но там сейчас не было ничего, кроме элитного бизнес-центра и парковки. Ни архивов, ни лабораторий. Значит, координаты — это приманка. Или якорь. А ключ — в словах.

В шуме.

Илья поднес ультрафиолет к странице. Бумага была старой, ватманом, но чернила светились ровным, мертвенно-зеленым светом. Никаких скрытых надписей. Он прищурился, разглядывая структуру бумаги на просвет. И тут его взгляд зацепился за одну деталь.

Переплет. Кожа была грубой, телячьей, но на корешке,

там, где обычно располагалось тиснение названия, кожа была чуть светлее. Илья провел пальцем. Не тиснение. Микроперфорация. Крошечные, невидимые глазу проколы, сделанные тончайшей иглой.

Он поднес блокнот к микроскопу и настроил резкость.

На экране проявилась не просто перфорация, а график. Зубчатая линия, напоминающая кардиограмму или звуковую волну. Илья замер. Саврасов был историком, но в молодости, в семидесятых, он работал в закрытом институте криптографии. Он умел прятать информацию там, где ее не искали.

— Звуковая волна, — прошептал Илья. — Это не координаты места. Это частота.

Он посмотрел на дату. Сегодняшняя. И на время, указанное мелкими цифрами под графиком: 08:00. До начала рабочего дня оставалось четыре часа.

Илья открыл свой ноутбук и вбил в поисковик: «Отдел фонодокументов Национального архива». Его пальцы замерли над клавиатурой. В штатном расписании отдела, которое он нашел на старом сайте архива, заведующей лабораторией реставрации звукозаписей значилась некая Ева Север.

«Найди ее в шуме». Она реставрировала старые, поврежденные записи. Она буквально жила в шуме, вычленяя из него голоса мертвых.

Илья закрыл ноутбук. Он посмотрел на часы. 04:15. У него было время, чтобы добраться до архива и поговорить с

ней до того, как начнется суэта. Но сначала ему нужно было кое-что сделать. Он подошел к сейфу, встроенному в стену за фальш-панелью, и достал оттуда не револьвер, а старый, тяжелый фонарь-дубинку и набор отмычек. Если «тени», о которых предупреждал Саврасов, уже вышли на след, то официальный вход в архив может стать для них обоих ловушкой.

Район Останкинской слободы в предрассветных сумерках напоминал декорацию к фильму нуар. Туман цеплялся за фонарные столбы, а асфальт блестел, как черный лед.

Здание Национального архива — массивный сталинский амбар с колоннами, выглядящими как ребра доисторического зверя, — казалось спящим. Илья обошел его по периметру и нашел то, что искал: старую вентиляционную шахту подсобки на уровне цоколя, решетка которой давно проржавела.

Внутри пахло сыростью, озоном и пылью веков. Илья бесшумно снял решетку и протиснулся внутрь. Он знал планировку таких зданий. Подвалы, техэтажи, кабельные каналы. Он двигался наощупь, ориентируясь по гулу трансформаторных будок.

Поднявшись по пожарной лестнице на третий этаж, он вышел в коридор, ведущий к лабораториям. Здесь было тихо. Слишком тихо.

В конце коридора горела единственная лампа. Дверь в лабораторию реставрации была приоткрыта. Оттуда доносился странный звук — шипение, треск, переходящий в низкочастотный гул.

Илья достал дубинку, прижался спиной к стене и заглянул в проем.

Глава 3. Голоса из пепла

Лаборатория напоминала рубку подводной лодки, обшитую звукопоглощающим поролоном. По центру стоял массивный стол, загроможденный проводами, осциллографами и старинными проигрывателями.

За столом, спиной к двери, сидела женщина. На ней были надеты тяжелые студийные наушники, а перед ней вращался восковой цилиндр фонографа. Именно от него исходил этот адский шум — треск, шипение, свист. Но женщина не просто слушала. Она смотрела на монитор, где программа в реальном времени строила сложную спектральную диаграмму, и ее пальцы танцевали по микшерному пульта, отсекая лишние частоты.

Илья шагнул внутрь. Пол не скрипнул, но женщина все равно почувствовала изменение давления воздуха. Она резко обернулась.

Ева Север оказалась не такой, какой он ее представлял. Никаких творческих беспорядков в одежде или богемной растрепанности. Темные волосы были туго собраны в узел, на носу — тонкие очки в роговой оправе, а взгляд из-за линз был холодным, оценивающим и абсолютно не испуганным. В ее руке, лежащей на столе, был не нож и не пистолет, а тяжелый металлический калибратор для центровки валов.

— Вы громко дышите, — сказала она, не снимая наушни-

ков, но сдвинув одну чашку на ухо. Голос у нее был низким, с легкой хрипотцой. — И у вас дешевый парфюм. Или это просто запах старой кожи и нафталина. Вы из антикварной лавки на Мясницкой. Илья Громов.

Илья слегка удивился, но не опустил дубинку.

— Вы меня знаете?

— Виктор Петрович говорил, что вы можете прийти, — Ева сняла наушники полностью и отложила их на стол. Шум из динамиков вдруг стал оглушающим, но она нажала кнопку, и в комнате повисла идеальная, ватная тишина. — Он сказал, что придет человека, который умеет видеть то, что скрыто. Я не думала, что это будет бывший коп, которого выгнали за то, что он не смог поймать маньяка.

— Виктор мертв, — коротко бросил Илья, подходя ближе. Он положил на стол блокнот. — Он оставил это мне. Сказал найти вас. В шуме.

Ева посмотрела на блокнот. Ее лицо оставалось невозмутимым, но Илья заметил, как напряглась линия ее челюсти. Она не удивилась новости о смерти. Она ее ожидала.

— Я знаю, что он мертв, — тихо сказала она. — Мне позвонили из морга час назад. Официально — самоубийство. Но Виктор Петрович боялся высоты и темноты. Он никогда бы не повесился в своем кабинете, как указано в протоколе.

— Он не повесился. Его застрелили, — Илья открыл блокнот и указал на перфорацию. — Что это?

Ева наклонилась, щелкнула настольной лампой и рассмот-

рела корешок. В ее глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Он принес мне это три дня назад. Сказал, что это ключ. Но это не просто звуковая волна, Илья. Это спектрограмма голоса.

Она повернулась к монитору и ввела несколько команд. На экране появилась та самая зубчатая линия.

— Виктор нашел запись 1938 года. Аудио допроса. Но это не обычный допрос. Это так называемый «Кодекс Тишины». Группа ученых и инженеров, которых арестовали за то, что они пытались создать машину для шифрования исторических данных. Их заставили работать на НКВД. И перед расстрелом они зашифровали в этой записи список.

— Список чего? — спросил Илья, чувствуя, как холодок подступает к горлу.

— Список фальсификаций. Доказательств того, что ключевые события, на которых строится наша современная геополитика и история XX века, были подделаны. Не просто переписаны в учебниках, а инсценированы. Сфальсифицированы документы, созданы ложные археологические находки, подменены люди.

Илья усмехнулся, но в его смехе не было веселья.

— Звучит как бред конспиролога. За это людей не убивают. За это людей сажают в психушки.

— Пока это звучит как бред, — согласилась Ева. — Но Виктор нашел оригиналы. И он понял, что «Куратор» — ор-

ганизация, которая столетиями поддерживает этот миф, — узнала об этом. Они убивают всех, кто приближается к разгадке. Инсценируя самоубийства.

Внезапно свет в лаборатории мигнул и погас.

Тишину разорвал низкий, утробный гул. Это не был звук трансформатора. Это был звук работающего глушителя двигателей на улице. А затем — тяжелый, ритмичный стук в дверь на этаже. Не стук посетителя. Удары сапог. Многих сапог.

— Они здесь, — выдохнула Ева. Ее руки уже летали по клавиатуре, сохраняя данные на защищенный флеш-накопитель. — Я думала, у нас есть еще хотя бы сутки.

— «Тени» не ждут, — Илья схватил флешку, которую Ева вытащила из порта, и сунул в карман. — Где черный ход?

— В подвал. Через шахту лифта для документов. Но они, скорее всего, уже блокировали лестницы.

Дверь в лабораторию сотрясась от мощного удара. Замок затрещал.

— У нас десять секунд, — сказал Илья, оценивая ситуацию. Он схватил тяжелый огнетушитель со стены. — Когда дверь откроется, бегите к люку. Не оглядывайтесь.

— Вы с ними не свяжетесь, — Ева посмотрела на него, и в ее взгляде читался не страх, а прагматичный расчет. — Вы вооружены дубинкой и огнетушителем против людей с автоматами.

— Я не собираюсь с ними связываться, — Илья выдернул

чеку огнетушителя. — Я собираюсь создать шум. Вы же любите шум, Ева?

Дверь вылетела с громким треском. В проем ворвались трое мужчин в черной тактической форме и масках.

Илья нажал на рычаг. Густое, белое, удушающее облако углекислого газа с ревом вырвалось из баллона, мгновенно заполнив небольшую комнату. Видимость упала до нуля. Раздались крики, звуки выстрелов — пули впились в звукопоглощающий поролон, глухо чавкая.

— Сюда! — крикнула Ева.

Илья, щурясь и задержав дыхание, рванул вслед за ее силуэтом. Она откинула тяжелую металлическую крышку люка в полу. Они нырнули в черную, пахнущую машинным маслом и пылью шахту ровно в тот момент, когда сквозь белесую пелену прорезались красные точки лазерных прицелов.

Крышка с грохотом захлопнулась над их головами.

Они падали в темноту, скользя по наклонным желобам для документов, как в кошмарном аттракционе, пока не вывалились на кучу старых картонных коробок в сырой темноте подвального архива.

Илья тяжело дышал, сжимая в руке дубинку. Рядом тяжело дышала Ева.

— Добро пожаловать в мой мир, Ева, — прохрипел он, поднимаясь и отряхиваясь. — Теперь у нас есть сорок семь часов. И, кажется, мы только что объявили войну.

Ева поправила съехавшие очки, в тусклом аварийном све-

те ее лицо казалось мраморным.

— Не войну, Илья. Мы только что стали мишенями. А чтобы выжить, нам нужно понять, что именно искал Виктор. И кто такой этот «Куратор».

Глава 4. Крысы в лабиринте

Подвал Национального архива был похож на кишаший муравейник. Бесконечные ряды стеллажей, заваленных коробками с пожелтевшими документами, уходили в темноту, словно рёбра какого-то доисторического чудовища. Воздух здесь был тяжёлым, затхлым, с привкусом плесени и времени.

Илья включил фонарик-дубинку. Тусклый луч выхватил из мрака пыльные стеллажи и узкий проход между ними.

— Нам нужно найти выход, — прошептал он, прислушиваясь. Где-то наверху, приглушённые бетонными перекрытиями, раздавались крики и топот ног. Они искали их.

Ева кивнула, поправляя очки. В тусклом свете её лицо казалось ещё более бледным, но в глазах не было паники — только холодный расчёт.

— Архивы таких зданий обычно имеют аварийные выходы на случай пожара, — сказала она, оглядываясь. — Но они ведут прямо на улицу. Если они уже там, мы выйдем прямо им в руки.

— Значит, нам нужен не аварийный выход, — Илья направил луч фонарика вглубь подвала. — Нам нужна дыра. Старые здания всегда имеют незадокументированные лазы. Канализационные коллекторы, старые угольные бункеры, технические тоннели.

Ева посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Вы неплохо знаете архитектуру.

— Я вырос в Хрущёвках, Ева. Там каждый подвал — это лабиринт. А потом я десять лет ловил преступников, которые прятались в таких же местах. Идёмте.

Они двинулись вглубь подвала, лавируя между стеллажами. Илья шёл первым, освещая путь, Ева — следом, прижимая к груди сумку с оборудованием. Она не хотела оставлять свои инструменты, и Илья понимал её — без них она была как солдат без оружия.

Через десять минут блуждания они наткнулись на то, что искали. В дальнем углу, за ржавым трансформатором, в стене зиял проём, закрытый когда-то деревянной дверью. Теперь от двери остались лишь гнилые петли и несколько досок. За проёмом чернела дыра тоннеля.

— Это старый коллектор, — Ева провела рукой по краю проёма. — Он должен вести к реке. К Неглинной.

— Или в канализацию, — хмыкнул Илья. — Но нам подойдёт любой вариант.

Они протиснулись в проём. Тоннель был узким, низким, стены покрыты слоем вековой грязи и каких-то странных, похожих на лишайники, наростов. Под ногами хлюпала вода. Илья шёл впереди, освещая путь, и с каждой минутой всё отчётливее понимал: они не просто бегут. Они проваливаются в кроличью нору, из которой, возможно, нет возврата.

Выход из коллектора оказался там, где и предсказывала

Ева — у самой реки. Они вылезли из бетонной трубы на заросший травой берег Неглинной, в районе, который на картах обозначался как промзона. Было уже светло. Солнце висело над горизонтом бледным, водянистым диском, не дающим ни тепла, ни света.

Илья огляделся. Вокруг — заброшенные заводские корпуса, ржавые заборы, кучи мусора. Идеальное место, чтобы залечь на дно. Или чтобы быть убитым.

— Нам нужно связаться с одним человеком, — сказал он, доставая из кармана старый кнопочный телефон. — Одно-разовый. Купил вчера на случай, если старые связи понадобятся.

Он набрал номер. Гудки шли долго, слишком долго. Илья уже собрался сбросить, когда в трубке раздался голос — хриплый, с сильным кавказским акцентом.

— Кто это?

— Громов. Мне нужна помощь, Аслан.

— Пауза. Затем тихий смех. — Илья? Ты жив? Я думал, тебя уже похоронили вместе с твоей карьерой.

— Пока только мою карьеру. Мне нужно убежище. На пару дней. И оборудование.

— Какое оборудование?

— Мощный компьютер. Желательно с доступом к закрытым базам данных. И человек, который умеет работать с аудио.

— Снова пауза. — Ты влип, да?

— Очень глубоко.

— Хорошо. Приезжай на Бауманскую. Старый склад. Код на двери — 1991. Я буду ждать.

Илья сбросил звонок и посмотрел на Еву.

— Знаете, как добраться до Бауманской?

— Знаю, — Ева достала из сумки планшет. — Но нам нужно избавиться от телефонов. Они могут отслеживать наш сигнал.

Илья кивнул, достал свой телефон и разломил пополам. Ева последовала его примеру. Они бросили обломки в реку и двинулись прочь от берега, стараясь держаться теней и избегать открытых пространств.

Склад на Бауманской оказался бывшим гаражом для грузовиков. Внутри пахло машинным маслом, пылью и чем-то ещё — сладковатым запахом, который Илья не сразу смог идентифицировать.

Аслан ждал их внутри. Высокий, худой мужчина с седой щетиной и глубокими морщинами вокруг глаз. Когда-то он был лучшим взломщиком сейфов в Москве, пока не решил, что честная работа платит слишком мало. Теперь он работал на криминал, но сохранял старую дружбу с Ильёй.

— Ты выглядишь дерьмово, Илья, — сказал Аслан, пропуская их внутрь. — И твоя подруга тоже. Что случилось?

— Долгая история, — Илья огляделся. Внутри склада было удивительно уютно. В углу стояла кровать, небольшой холодильник, на столе — мощная рабочая станция с несколь-

кими мониторами. — Нам нужно работать. Быстро.

Аслан кивнул, не задавая больше вопросов. Он достал из кармана флешку, которую Илья передал ему ещё по телефону, и вставил в компьютер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.